ЛМ
В11

Боевой опыт.

1914

Кн. 3.

ВЪ БОЕВОМЪ ОГНѢ.

РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ.

Книжка III.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1914.

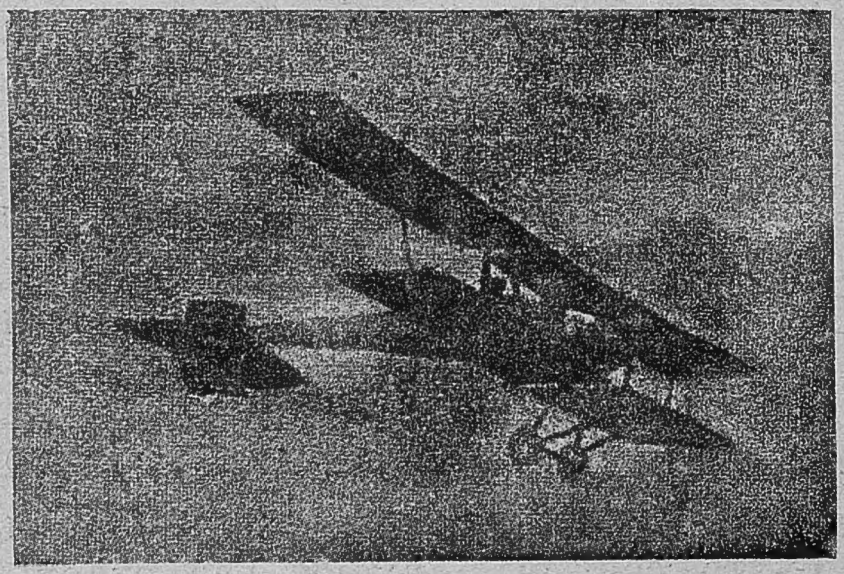
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
547094

Дьявольскія очи.

Нѣмецкая развѣдка. Разсказъ офицера.

Нѣмецъ — врагъ серьезный. Съ нимъ надо быть все время на-чеку, глядѣть въ оба. Самъ онъ слѣдитъ за нами въ тысячи глазъ. Развѣдочная служба поставлена у него — лучше нельзя. Сначала, пока не поняли, и злоба и диво брали. Какъ будто святымъ духомъ все знаетъ. Встанемъ ночью, затемно. Выйдемъ потихоньку съ ночлега, изъ деревни. Только втянемся на дорогу — невѣдомо откуда шрапнели туда и сюда по сторонамъ. Минута еще, и начнетъ по насъ. Забираемъ съ дороги въ лѣсъ,—дьявольскія очи видятъ и это: снаряды гудятъ надъ лѣсомъ. Оказывается, у нѣмцевъ, кромѣ обычныхъ телеграфовъ и телефоновъ, на случай войны заготовлены потайные. На стол-

бахъ обрѣжешь провода, у нѣмцевъ вся округа связана подземными проводами. Пойди, найди въ землѣ. Испортишь или арестуешь всѣ телефонные и телеграфные аппараты, обы-



Дьявольскія очи. Развѣдчикъ на аэропланѣ.

щешь, обшаришь всѣ хлѣвы, сараи, погреба — дѣлу не легче. Въ одномъ мѣстѣ тайный аппаратъ на пчельникѣ среди ульевъ, въ пустой колодѣ. Въ другомъ, на задворкахъ колодецъ. Колодецъ, какъ колодецъ. Бадья на веревкѣ. Но спуститесь по веревкѣ, и въ стѣнѣ колодца, надъ которою вы стояли, углубленіе, а въ этомъ

углубленіи телефонъ. Веревка спущена, стоитъ нѣмецъ ногами на висячей бадьѣ и телефонитъ:

— Собираются. Выходятъ. Вышли. Изъ деревни направо, налѣво, прямо.

А на придорожныхъ столбахъ у нѣмцевъ и въ обычное время высчитано, какое разстояніе докуда и сколько времени итти. Въ итогѣ и выходитъ: ты крадешься тайкомъ, а о тебѣ уже наперед извѣстно, на какомъ мѣстѣ дороги ты будешь черезъ четверть, черезъ полчаса. Пришелъ туда, а тебѣ изъ-за десяти верстъ чугунные гостинцы на голову.

Днемъ летчики снуютъ надъ головами. Примѣтитъ летчикъ-нѣмецъ наши войска и сигналитъ своимъ. Дыхнетъ клубкомъ дыма — пѣхота. Два клубка — конница. Три — артиллерія. По ночамъ «цеппелинъ» летаетъ. Выглядитъ наши огни и замретъ вверху. Какъ гончая надъ дичью, стойку дѣлаетъ, а самъ вдругъ весь освѣтится: своимъ мѣсто опредѣляетъ. Ну, тутъ убирайся по добру, по здорову; черезъ три-пять минутъ посылаются сверху чемоданы съ начинкою.

Разсказъ развѣдчика-добровольца.

Я прежде жилъ нѣсколько лѣтъ въ Варшавѣ и довольно хорошо говорю по-польски. Полкъ, къ которому мы прикомандированы, стоялъ верстахъ въ 20 отъ Ченстохова. Я вызвался пробраться въ городъ и принести свѣдѣнія о численности нѣмецкихъ войскъ и производимыхъ ими фортификаціонныхъ работахъ.

Досталъ въ Новорадомскѣ польскую крестьянскую одежду, и босикомъ, безъ оружія, на зарѣ двинулся по городу.

Верстахъ въ пяти отъ Ченстохова меня задержали патрули и начали что-то говорить по-нѣмецки, но я объяснилъ, что говорю лишь по-польски. Солдаты обыскали меня, отняли, выкурили имѣвшіяся у меня папиросы и отпустили съ миромъ.

Встрѣчныхъ возлѣ города крестьянъ я началъ разспрашивать о судьбѣ, якобы, жившаго въ Ченстоховѣ моего брата (фамилію, разу-

мѣется, выдумалъ). Попутно же разузнавалъ о количествѣ и родѣ оружія нѣмецкихъ войскъ и о возводимыхъ ими укрѣпленіяхъ.

На мои вопросы отвѣчали они весьма охотно, но постоянно съ тревогой оглядывались по сторонамъ и понижали голосъ до шопота.

Крестьяне мнѣ разсказывали, что нѣмцы ихъ сгоняютъ на земляныя работы по возведенію окоповъ, обѣщая платить по два рубля въ день, а потомъ вмѣсто обѣщанной платы даютъ по 5 фунтовъ муки и по нѣскольку горстей сырого картофеля.

Подтверждали всѣ разсказы о нѣмецкихъ звѣрствахъ надъ мирными жителями, говорили, что нѣмцы всѣми силами поддерживаютъ лишь пивовареніе на мѣстныхъ пивоваренныхъ заводахъ, такъ какъ безъ пива не могутъ прожить и одного дня. Изъ погребовъ Ясногорскаго монастыря нѣмцы забрали и выпили все старое вино, которое тамъ хранилось.

Я успѣлъ уже много осмотрѣть и разузнать, какъ вдругъ нѣмецкій офи-

церъ почему-то обратилъ на меня вниманіе и велѣлъ переводчику разспросить меня по-польски.

Снова я повторилъ выдуманную исторію о поискахъ своего брата.

Тогда ко мнѣ приставили двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ былъ вдребезги пьянъ и едва держался на ногахъ, и велѣли указать, въ какомъ домѣ живетъ мой братъ...

Когда мы прошли почти черезъ весь городъ, я указалъ конвойнымъ на первый попавшійся полуразрушенный домъ и заявилъ, что братъ мой живетъ здѣсь.

Солдаты осмотрѣли пустой домъ и, разумѣется, никого въ немъ не нашли. Зато меня заперли на ключъ въ одной изъ комнатъ во второмъ этажѣ.

Просидѣвъ около часу въ моемъ заключеніи, я, перегнувшись черезъ окошко, убѣдился, что одинъ изъ моихъ конвоировъ ушелъ, а другой, усѣвшись на ступенькахъ крыльца, мирно дремалъ, пригрѣтый восходящимъ солнышкомъ.

Я прокрался въ сосѣднюю комнату, спустился по водосточной трубѣ во

дворъ и черезъ задворки и сады благополучно выбрался за городъ.

А черезъ два часа уже былъ въ своемъ отрядѣ и обо всемъ, что узналъ, доложилъ командиру...

— Командиръ его благодарилъ, — съ гордостью подхватили товарищи, — и выдалъ денежную награду...

Подъ пулеметами австрійцевъ.

Одному изъ нашихъ небольшихъ отрядовъ пришлось выдержать бой съ австрійцами, занявшими сторожку на лѣсной опушкѣ. Австрійцы установили въ окнахъ сторожки пулеметы и осыпали нашъ отрядъ градомъ пуль. Толстыя бревна сторожки не поддавались дѣйствію нашихъ пуль, и онѣ поэтому долго не могли заставить австрійскіе пулеметы замолчать... Офицеръ, лежавшій позади своихъ людей, рѣшилъ, что нужно обойти избушку сзади. Но только онъ взмахнулъ рукой, чтобы указать людямъ, куда итти, — пуля изъ пулемета ударила ему въ ладонь. Отъ очень сильной боли онъ потерялъ сознаніе.

Когда пришелъ въ себя, увидалъ, что нашихъ немного, что есть опасность попасть австрійцу въ руки. Онъ поползъ вдоль шоссе подъ его прикрытіемъ. Надъ головой все время свистѣли пули. Сзади ползли еще два-три солдата. Тому, который былъ за нимъ, офицеръ передалъ свой полевой бинокль, такъ какъ бинокль мѣшалъ ползти. Черезъ какую-нибудь минуту офицеру показалось, что солдатъ отстаетъ, что промежутокъ между ними все растетъ. Оказалось, солдатъ уже убитъ вражескою пулей...

Офицеру только одному удалось добраться до перевязочнаго пункта.

Подъ огнемъ непріятельской шрапнели.

Дѣло было въ Восточной Пруссіи, въ мѣстечкѣ Лабіау, въ 40 верстахъ отъ крѣпости Кенигсберга.

Позиція нѣмцевъ была всего въ 1,200 шагахъ. Это было такъ близко, что наши солдаты въ рѣдкія минуты передышки отъ огня помахивали фу-

ражками, на что нѣмецкіе часовые отвѣчали тѣмъ же. Враги какъ бы раскланивались словно на прогулкѣ.

Здѣсь нашъ полкъ занялъ великолѣпную позицію на опушкѣ громаднаго лѣса въ нѣсколько сотъ десятинъ. Впереди былъ лугъ, снабженный проволочными загражденіями, далѣе текла рѣчка Дейма, за которой въ укрѣпленномъ пунктѣ расположились нѣмцы. 22 августа къ нашему штабсъ-капитану, командовавшему ротой, рано утромъ пришелъ на позицію командиръ полка и сказалъ, чтобы эту позицію не уступали, хотя бы пришлось умереть.

Въ этотъ же моментъ часовой подъѣхалъ и доложилъ, что непріятель обходитъ правый флангъ нашего расположенія. Въ бинокль можно было разсмотрѣть, какъ три непріятельскихъ роты подвигались въ обходъ. Наши войска открыли огонь. Одному взводу въ 60 человѣкъ подъ начальствомъ унтеръ-офицера М. штабсъ-капитанъ приказалъ обойти непріятельскій отрядъ. Взводъ удачно исполнилъ операцію: скрывшись подъ

прикрытіемъ, онъ открылъ уничтожающій огонь по непріятелю. Вслѣдствіе того, что мостъ черезъ рѣчку очень узенькій, германцы попали въ опасное положеніе. Они вынуждены было уйти назадъ, при чемъ изъ трехъ ротъ возвратилось человѣкъ 60.

Послѣ этого въ теченіе 4-хъ дней, съ 22 по 26 августа, наши войска осыпались градомъ шрапнелей. Опушка срѣзывалась этимъ огнемъ непріятельскихъ орудій, какъ бритвой. Наши солдаты, находившіеся въ окопахъ, буквально засыпались вѣтвями съ деревьевъ. Надо было разгребать руками, чтобы увидѣть что-нибудь.

Непріятельскіе аэропланы, подобно жукамъ, жужжали надъ лѣсомъ, производя развѣдку.

Нашъ капитанъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ на высокомъ дубу, откуда въ бинокль хорошо было разсматривать непріятеля.

Въ эти дни не приходилось ни ѣсть ни спать. Но нашъ солдатъ поражалъ выносливостью.

— На то, ваше высокоблагородіе, и война, — говорили они капитану.

Денщикъ капитана во время сильнѣйшаго огня, бывало, утромъ подползаетъ въ окопы къ капитану и протягиваетъ кипятокъ:

— Что такое?

— Какъ что, ваше высокоблагородіе, вы еще чай сегодня не пили...

Подъ огнемъ нѣмецкой тяжелой артиллеріи.

Стояли разъ наши войска по одной сторонѣ рѣки, а нѣмцы на другомъ берегу. Ни намъ ни имъ не хотѣлось переходить: на обоихъ берегахъ не было подходящихъ переправъ. Мы къ тому же дожидали подвоза снарядовъ и потому даже не стрѣляли безъ нужды. Берегли на случай перехода нѣмцевъ. Нѣмцы примѣтили наше молчаніе и обнаглѣли. Прямо противъ нашихъ подвезли цѣлый поѣздъ пѣхоты и тутъ же выступили колонной. Наши не выдержали соблазна и плеснули по нѣмецкому батальону изъ пулемета. Я никогда не забуду этой картины. Минута — и отъ нѣмец-

каго батальона ни человѣка. Какъ языкомъ слизнуло. Взялъ бинокль— вижу, только кое-гдѣ отдѣльные раненые ползутъ. Это озвѣрило нѣмцевъ. Они открыли изъ тяжелыхъ орудій по нашему берегу огонь и палили ровно 24 часа, но всѣ снаряды падали полуверстою далѣе линіи нашихъ войскъ. И тамъ все поле буквально было вспахано какими-то чудовищными плугами, а у насъ на двѣ дивизіи потери были десять человѣкъ; одинъ снарядъ упалъ въ окопъ и разорвалъ кучку людей въ клочки. Отъ офицера остались однѣ только ноги. Но если страшныхъ потерь и не несутъ съ собою эти снаряды, то по нервамъ бьютъ они даже солдатъ — страшно. Сначала звенящій и душу ледянящій свистъ:

— З-ж-ж-жъ! З-ж-ж-жъ! З-ж-ж-жъ!

Потомъ оглушающее «бухъ» и трескъ. Въ землѣ сверлится громадная воронка, а кверху летятъ клубы зловѣщаго чернаго дыма, камни и, съ новымъ свистомъ, осколки чугуна.

Нѣмецкій бронированный автомобиль.

Вышли изъ лѣса, а за лѣсомъ, саженяхъ въ трехстахъ отъ насъ, вдоль нашей дороги, слѣва другая. Выскочилъ на нее изъ-за лѣса самоходъ, и ну насъ потчевать изъ пулемета. Летитъ стрѣлой и посыпаетъ. У насъ сейчасъ команда: «Ложись!» Пули поверху—ж-ж-ж-ж-жи! Солдаты сами кричатъ другъ-другу:

— По проводнику цѣлься! Въ руку ему! По кучеру сыпь!

Трахъ-тахъ, тахъ-трахъ — замолотили цѣпами выстрѣлы, и самоходъ, вмѣсто поворота на закругленіи дороги, врѣзался прямо въ канаву. Наши мигомъ къ нему: офицеръ-пулеметчикъ живъ-невредимъ. У проводника перебиты обѣ руки; у правой—раздроблена кисть. Видимо, хватила не одна пуля. Кровь льетъ. Течетъ изъ-подъ рукава лѣвой. Обѣ руки висятъ плетями, не поднять. Лицо блѣдное-блѣдное. Зубы стиснуты отъ боли, но ни стона. По виду совсѣмъ мальчикъ, лѣтъ 18. Безусый. Свѣтлый та-

кой, голубоглазый. Глаза горятъ и колютъ ряды набѣжавшихъ русскихъ.

— Откуда вы взялись? — спрашиваетъ его по-нѣмецки нашъ офицеръ.

— Оттуда!—мотаетъ въ небо головою, съ злой усмѣшкою, раненый.

— Какія тамъ войска? Много ли?

— Пойдите, посмотрите, посчитайте. — Новая усмѣшка.

— Пулю пущу въ лобъ!

— Мы къ вамъ не на кофе и ѣхали. Мы вамъ пули, вы — намъ.

— Къ санитарамъ его, перевязать.

— Зачѣмъ? Разстрѣливайте сразу.

— Вы — плѣнный, — поясняютъ ему, — и васъ не къ разстрѣлу отправятъ, а на перевязочный пунктъ.

— Плѣ-ѣнный? — удивился юноша. — А мы съ капитаномъ ѣхали на смерть.

Разстрѣлянный.

Изъ разсказа раненаго офицера.

15 августа я былъ въ первомъ дѣлѣ и заступилъ командира роты (онъ раненъ). Мы положили груды австрійцевъ, но и они насъ пощипали порядкомъ, а такъ какъ мы нарвались

на превосходныя силы, то къ ночи стали отходить и шли цѣлый день въ «мѣшкѣ», т.-е. окруженные съ трехъ сторонъ австрійцами. Наконецъ на другой день вышли изъ тисковъ и зашли противнику во флангъ. Наша задача была во что бы то ни стало держаться до подхода арміи генерала ***. Эту задачу мы выполнили, и австрійцы отошли, но до сего были въ аду, борясь противъ трехъ полковъ пятью батальонами. Невозможно передать ада, въ которомъ мы были, но страха не было: была тоска предсмертная и возбужденье. Вотъ два ощущенія, чередовавшіяся весь день. Когда наши въ первый періодъ боя стали отходить отъ шрапнели, я остался съ ротой подъ перекрестнымъ огнемъ. Мнѣ казалось, что черезъ ½ часа всѣмъ намъ конецъ. Въ заключеніе вижу, что и мои начинаютъ отходить. Вдругъ огонь прекращается. Оказывается, изъ-за холма намъ навстрѣчу выходятъ наши солдаты и идутъ не цѣпью, а сомкнутой шеренгой. Я ихъ допустилъ безъ выстрѣла шаговъ на 400 и... «наши»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

остановились и дали по моей ротѣ два-три залпа. Оказывается, переодѣтые швабы!! Кругомъ повалились люди, а я обозлился, выскочилъ изъ окопа и крикнулъ «въ атаку!», такъ какъ все равно приходилось умирать. Вынулъ шашку и по мнѣ началась травля. Первая пуля спасла меня отъ смерти, такъ какъ ударила меня подмышку (правой руки), я повернулся бокомъ къ австрійцамъ, а вторая пуля летѣвшая мнѣ въ сердце, прошла вдоль спины на волосокъ отъ хребта. Обѣ пули навылетъ. Первая прошла подмышку и вышла въ верхней трети спины, пробивъ вену и нервъ локтевой. Раны не тяжелыя, если бы не потеря крови. Два солдата, перевязывавшіе меня, пострадали: одинъ раненъ, другой убитъ, и я остался одинъ въ канавѣ, истекая кровью. Наконецъ собралъ послѣднія силы и побѣжалъ голый до пояса, весь въ крови къ своимъ. Кругомъ шрапнели, пулеметы. Видно, Богъ спасъ, такъ какъ кромѣ Бога никто не могъ спасти изъ этого ада. Затѣмъ меня въ оврагѣ перевязалъ

евреи и не бросилъ меня подъ шрапнелью, хотя я и былъ въ обморочномъ состояніи. Вели меня двое лѣсомъ, а затѣмъ еще разъ перевязалъ кавалерійскій врачъ и, въ концѣ-концовъ, я попалъ въ полевой лазаретъ, гдѣ во мнѣ принялъ участіе ***. На другой день я 36 верстъ ѣхалъ въ телѣгѣ на соломѣ безъ фуражки. Рука не даетъ спать по ночамъ.

Молодецкая работа нашей артиллеріи.

Столкнулись большія силы. Къ намъ на лѣвый флангъ вылетѣла наша батарея. Минута, и орудія сняты съ передковъ. Въ ту же минуту батарейный подскакалъ къ избушкѣ и мигомъ былъ на гребнѣ крыши. Оттуда нѣмецкая пѣхота, какъ на ладони. А внизу, у избушки, уже и телефонщикъ, и махальные съ флагами. Сидя на гребнѣ крыши, батарейный командуетъ:

— Прицѣлъ столько-то.

Пушки ахнули, и въ воздухѣ загудѣло.

— Трубка столько-то, снова командуетъ батарейный, и я, взобравшись также на крышу, вижу, какъ второй уже выстрѣлъ батареи вырвалъ цѣлыя клочья пѣхоты. Снова и снова бухаетъ батарея, и черезъ пять минутъ нѣмецкую пѣхоту передъ нами или смело, или разогнало. Прискакалъ ординарецъ.

— Непріятельская батарея громитъ нашъ центръ, отыскать ее и заставить замолчать.

Шлемъ снаряды туда, сюда — ничего не выходитъ: не нащупать врага. Вдругъ скачетъ уланъ, вахмистръ. Разъѣздъ ихъ высмотрѣлъ непріятельскую батарею за пригоркомъ.

— Вотъ здѣсь, гдѣ крестикъ я поставилъ, толково и свободно поясняетъ по картѣ вахмистръ.

Новая канонада, рядъ новыхъ «бухъ, бухъ, бухъ», и вахмистръ, слетавшій уже къ центру боевой линіи, радостный вернулся къ батареѣ:

— Замолчали, сосисочники.

Спустя полчаса, часъ, бой кончился, нѣмцы отступили, и наши забрали замолчавшую батарею.

Битва съ австрійцами у Подгайцевъ, гдѣ наша артиллерія сметала цѣлыя колонны непріятелей.

Подъ огнемъ нашей артиллеріи.

Началось побѣдное движеніе нашихъ войскъ отъ Люблина вслѣдъ за вынужденными отступить австрійцами. Особеннымъ кровопролитіемъ отличался бой между деревнями Тарновкой и Домбровкой. Онъ длился цѣлыхъ два дня.

Подъ огнемъ нашей артиллеріи, отличавшейся удивительной мѣткостью, непріятельская артиллерія вынуждена была замолчать, и наши войска пошли впередъ. Имъ представилась слѣдующая ужасная картина.

Позиціи за деревней Тарновкой, брошенныя австрійцами, представляли картину ужаснаго разрушенія.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла непріятельская мортирная батарея, почва кругомъ изрыта громадными воронками.

Попавшій въ одну изъ непріятельскихъ мортиръ нашъ гаубичный снарядъ подбросилъ эту 150-пудовую махину, перекинувъ ее черезъ окопы и отшвырнувъ на разстояніе 10 саженъ.

Подбитое орудіе лежало хоботомъ вверхъ.

Въ другомъ мѣстѣ снарядъ пробилъ зарядный ящикъ, вызвавъ сильнѣйшій взрывъ. Среди труповъ лошадей, лежавшихъ здѣсь вповалку до высоты человѣческаго роста, обнаружено 5 изуродованныхъ тѣлъ пруссаковъ, со снесенными головами.

Тутъ же неподалеку, около правофланговаго орудія, лежалъ скрюченный трупъ германскаго генерала.

Полевыя орудія трехъ батарей были исковерканы. Здѣсь, между прочимъ, сгорѣлъ ящикъ съ патронами. Взрывъ съ далекаго разстоянія производилъ впечатлѣніе пожара цѣлой деревни.

Кавалерійская битва.

Изъ письма участника битвы.

Въ 5 часовъ вечера мы вступили въ бой, какого еще не было.

Мы принуждены были занять небольшое поле, полное канавъ и болотъ, а австрійцы — бугоръ въ полутора верстахъ отъ насъ.

Наша артиллерія начала по нимъ пальбу.

Каждое наше орудіе выпустило по 78 снарядовъ. Они отвѣтили намъ шрапнелью и заставили войти въ лѣсъ, гдѣ мы часа полтора стояли, слушая визгъ шрапнели.

Двигаться подъ огнемъ ничего, но когда стоишь подъ этимъ визгомъ,— очень непріятно.

Ощущеніе у офицеровъ и солдатъ такое: страха нѣтъ, но ужасная тоска беретъ.

Солнце начало заходить, когда три эскадрона венгровъ кинулись въ атаку на наши днѣ батареи.

Они летѣли, какъ черная туча, какъ ураганъ.

Наша картечь выкашивала цѣлые ряды, а они все летѣли впередъ.

Тогда два эскадрона нашихъ гусаръ бросились на нихъ, и начался буквально рукопашный бой.

У пушекъ прислуга билась всѣмъ, чѣмъ попало, вплоть до кулаковъ.

Всѣ рубили, кололи, стрѣляли. Всѣ рытвины и болота на полѣ битвы заполнились людьми и лошадьми. Мы

почти всѣхъ ихъ изрубили и перекололи. Оставшіеся въ живыхъ, человѣкъ 15 — 20, бросили коней въ огородахъ и изъ-за плетней и дворовъ начали пальбу.

Къ счастью, въ это время запылала деревня, и мы, при свѣтѣ пылающихъ хатъ, добили всѣхъ до единаго.

Тьма въ полѣ кромѣшная.

Оставаться дольше здѣсь никакъ нельзя было. Мы двинулись впередъ, перешли рѣку. Здѣсь, тщательно обслѣдовавъ мѣстность, расположились отдохнуть.

Это кавалерійское дѣло измѣнило наше мнѣніе о мадьярахъ. Они шли на вѣрную смерть, какъ львы, и рубили саблями, какъ топорами.

Напримѣръ, двумъ нашимъ артиллеристамъ прорубили черепъ до нижнихъ конечностей ушей.

Сильное впечатлѣніе на меня произвелъ одинъ венгерскій офицеръ. Красавецъ собой, съ великолѣпнымъ оружіемъ, онъ бился, какъ левъ. И когда нѣсколько нашихъ молодцовъ-гусаръ буквально на пикахъ подняли

его на воздухъ, онъ продолжалъ отбиваться.

Раненые, даже умирая, лежа, стрѣляли изъ револьверовъ и рубили нашихъ лошадей по ногамъ. Они бились буквально до послѣдней капли крови, и всѣ четыреста легли, какъ одинъ.

Нашихъ потерь немного.

Наши солдаты бьются, какъ львы, съ такимъ ожесточеніемъ, какого я не подозрѣвалъ. Многіе уже награждены. Я представленъ къ первому отличію — Аннѣ 4-й степени.

Жуткая картина ночью, когда мы возвращались съ поля битвы.

Полное молчаніе, черная темь и пожары кругомъ.

Всѣ офицеры, участвовавшіе въ японской войнѣ, говорятъ, что такихъ страшныхъ кавалерійскихъ рукопашныхъ боевъ не запомнятъ. Атаки идутъ цѣлыми дивизіями. Рубятся у пушекъ, на батареяхъ. Наша дивизія атаковала 4-ю непріятельскую дивизію и изрубила почти всѣхъ, т. е. около 4,000 человѣкъ.

Гдѣ мы,—писать нельзя, но далеко-далеко отъ милой родины.

Варварская сигнализація.

Австрійцы заняли значительное количество нашихъ земель въ южныхъ участкахъ Люблинской и Холмской губерній и сильно укрѣпились тамъ. Для устройствъ окоповъ они насильственно сгоняли русскихъ подданныхъ, отнимали у нихъ пищевые продукты и кормъ для лошадей, производили всякія безчинства надъ женщинами и дѣтьми.

Но вотъ явились русскія войска. Для наблюденія за ихъ движеніемъ австрійцы разставили массу шпіоновъ. Эти шпіоны по потайнымъ телефонамъ, спрятанныхъ въ погребахъ, сообщали австрійцамъ о движеніяхъ нашихъ войскъ. Все же и этого оказалось недостаточно. Отступая, австрійцы зажигали деревни, села, усадьбы и города, а ихъ шпіоны зажигаютъ деревни какъ только въ нихъ вступаютъ русскіе отряды. Вотъ какъ передаетъ объ этомъ одинъ очевидецъ:

«Первое зарево пожара я увидѣлъ 14 августа.

Мы стояли бивуакомъ въ пограничной деревнѣ Новоселки.

Въ 5 верстахъ къ юго-востоку, на австрійской границѣ, расположена деревня Лиски, черезъ которую въ этотъ день проходили наши войска.

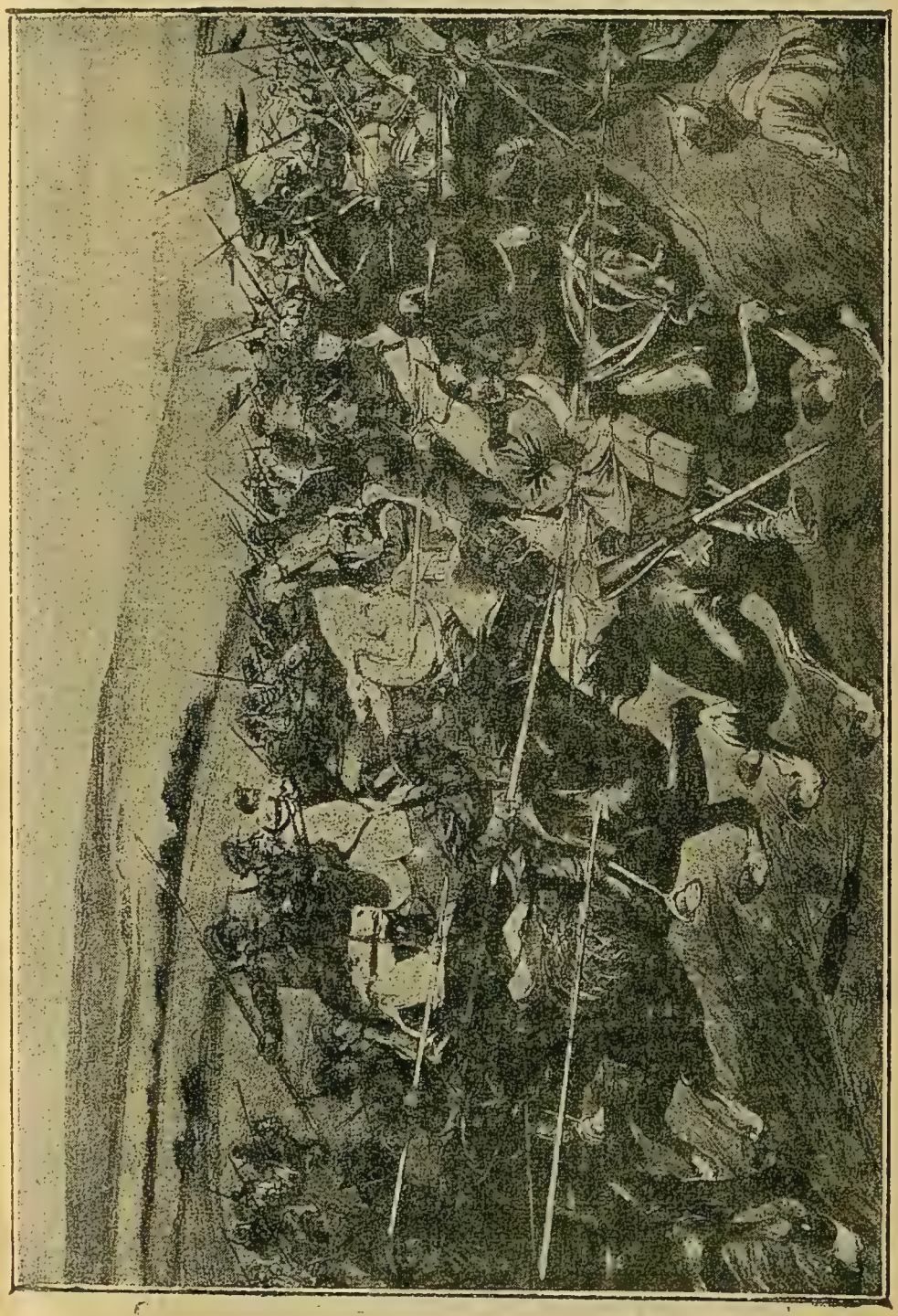
Вечеромъ, когда наши прошли впередъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревни вспыхнулъ пожаръ, охватившій вскорѣ всю деревню, прилегающую къ ней помѣщичью усадьбу и винокуренный заводъ.

Большая деревня съ церковью выгорѣла до тла, со всѣмъ скарбомъ крестьянъ.

Съ этого дня каждый вечеръ въ различныхъ пунктахъ виднѣлись зарева пожаровъ.

Впослѣдствіи намъ удалось установить, что это австрійцы «сигнализируютъ».

Шпіоны ихъ указываютъ имъ путемъ зарева мѣста, черезъ которыя днемъ прошли русскія войска, предупреждаютъ, откуда надвигается опасность.



Отдѣльныя части ихъ такимъ способомъ выравниваютъ фронтъ.

По зареву горящихъ деревень отчетливо, вѣдь, видно, какая часть отстала, и какая ушла впередъ...

Какъ бѣжитъ армія.

Военный летчикъ Данилинъ наблюдалъ бѣгство разбитой австро-германской арміи отъ Томашова.

Густыя облака пыли по всѣмъ дорогамъ, идущимъ къ югу отъ Томашова, ясно говорили, какое смятеніе царило тамъ, далеко внизу, на землѣ.

Жители деревни Майданъ-Горно и евреи въ Томашовѣ дополнили своими разсказами картину бѣгства непріятеля.

Впереди деревни Майданъ-Горно была расположена на позиціи артиллерія австрійцевъ.

Впереди артиллеріи находилась въ окопахъ ихъ пѣхота.

Убійственный огонь нашихъ батарей, перемѣстившихся на новыя, ле-

жащія ближе къ противнику позиціи, послужилъ для него какъ бы сигналомъ къ бѣгству.

Всѣ, кто могъ, бросились бѣжать.

Въ деревнѣ Майданъ-Горно не уцѣлѣло ни одного забора, ни одной изгороди.

Чего не искрошила артиллерія, то доломала убѣгающая пѣхота.

Бѣда была тѣмъ, кто попадался на пути несущимся орудіямъ. Смерть свою находили они подъ колесами.

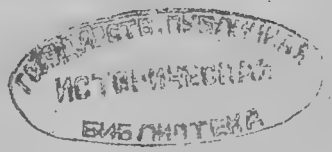
Разрывающіеся среди бѣгущихъ австрійцевъ наши снаряды удваивали панику.

Мѣстами песчаный грунтъ тормозилъ бѣгство австрійцевъ. Тутъ подъ ударами обезумѣвшихъ ѣздовыхъ лошади надрывались, падали и издыхали.

Нѣтъ словъ, чтобы изобразить всю картину разгрома.

Мы шли по пятамъ бѣгущей австрійской арміи.

И на всемъ протяженіи до города Белжеца валялись по обѣимъ сторонамъ шоссейной дороги трупы людей

и лошадей и стояли брошенныя орудія.

Австрійцы отступали день и ночь, оставляя лишь небольшія части для своего прикрытія, отдыхая всего лишь по нѣскольку часовъ въ сутки.